

Г.Н. ПОТАНИН: СИБИРСКОЕ ОБЛАСТНИЧЕСТВО МЕЖДУ ЗАПАДНИЧЕСТВОМ И ЕВРАЗИЙСТВОМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Воззрения Г.Н. Потанина рассматриваются в контексте таких широких явлений российской общественной мысли, как западничество и евразийство. Делается вывод о развитии сибирского областничества (в лице Г.Н. Потанина) от сибирского сепаратизма к своеобразному сибирскому евразийству (предевразийству), которое проявилось как в позитивном преодолении «колониального синдрома» через регионализм, так и в историко-культурном изучении народов Евразии. Сформулирован тезис о Г.Н. Потанине как исследователе-евразиеведе.

Приоритет в постановке проблемы «сибирское областничество и евразийство» принадлежит профессору М.В. Шиловскому, опубликовавшему в 1999 г. новаторскую статью «Сибирские корни евразийства» [1]. Дальнейшее развитие изложенных идей предпринято исследователем на 1-м Евразийском национальном форуме, состоявшемся в 2002 г. в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан) [2]. В 1999 г. выходит статья литературоведа А.П. Казаркина, где евразийские идеи соотносятся с сибирской литературой [3. С. 11–12]. Так, постепенно вопрос о евразийских аспектах областничества получает права научного «гражданства». Кроме того, в последнее время проблема евразийства находит свое развитие и как один из вопросов собственно истории Сибири. Есть все основания, чтобы понимать Сибирь не формально-географически, как азиатский регион, а именно в историко-цивилизационном плане – как регион евразийский, где русские и другие европейские этносы в социокультурном взаимодействии встретились с этносами азиатскими [4]. Наконец, полагаем, что теория фронта также может трактоваться с евразийских позиций. В этом отношении выводы ведущих новосибирских и екатеринбургских историков приходят к общему знаменателю: главная особенность российской колонизации и геополитики заключается в географической связанности, интегрированности национально-государственной территории и отсутствии четко выраженных культурно-исторических различий между метрополией и колонией [5. С. 573; 6. С. 191]. Такой вывод органично сочетается с концепцией евразийства.

Если евразийские аспекты сибирского областничества постепенно начинают проявляться, то следует признать, что у сибирской мысли есть и иная, противоположная сторона – взаимосвязь между областничеством и западными идеями. Этот, также достаточно новый аспект в понимании сибирской общественной мысли изучен профессором А.В. Ремневым [7]. Наличие этих двух сторон – западной и евразийской – делает необходимым дальнейшее осмысление наследия сибирских областников. Неизбежно возникает вопрос: какой аспект в истории сибирской областнической мысли второй половины XIX – начала XX в., в конечном счете, ведущий – западный или евразийский?

В общем понимании сибирского областничества представляется весьма продуктивным тезис М.В. Шиловского, что оно «продолжило длительную эволюцию» [1]. Каковы же особенности этой эволюции? Как известно, для сибирских областников основным приоритетом изначально была сама Сибирь, а не те или иные идеологические конструкции. Поэтому позиционирование об-

ластничества по отношению к течениям русской общественной мысли не может быть во всем однозначным. Однако в 1860-е гг. молодые областники – представители протестующего и, вместе с тем, мечтающего регионального сознания, неизбежно оказывались в неоднородном лагере русского радикализма, большая часть сторонников которого имела западную идейную и цивилизационную ориентацию.

Следует согласиться с А.В. Ремневым, что анализ наследия идеологов областничества «свидетельствует о значительном влиянии на формирование и эволюцию их взглядов истории западноевропейских колоний, политических и экономических теорий того времени». Именно «западные идеи и колониальный опыт в значительной мере стали для будущих областников толчком к осознанию колониального положения Сибири в составе Российской империи» [7]. В результате областническая идеология, по мнению А.В. Ремнева, представляла собой «сложный сплав российских социально-мессианских надежд с западными социальными доктринами» [7].

Однако «сложный сплав» трудно сделать однородным, поэтому в сибирском областничестве, как крупном интеллектуальном явлении, были возможны различные тенденции. Наличие общего ментального, психологического знаменателя – «ощущения обособленности от России» [8. С. 72], не исключает различий в общественно-политических воззрениях. Выскажем предположение: ведущие мыслители-областники – Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – каждый по-своему восприняли западный (западнический) и российский идейный и исторический опыт, по-своему претворили его в сибирской областнической мысли.

Изначально становление областнических идей происходило, с одной стороны, на почве сибирского патриотизма, своего рода «сибирефильства» (рассматривая в 1905 г. ретроспективно эволюцию областничества, Г.Н. Потанин называет областников «сибирефилами») [9. С. 350], горячей любви к сибирской родине, а с другой – через критику России и ее политики. Для молодых сибиряков, не боявшихся слова «сепаратизм», также был характерен интерес к Америке как к примеру успешной европеизированной и освободившейся колонии.

Конечно, сибирский сепаратизм, взятый в «чистом» виде (как и любой другой последовательный региональный сепаратизм), далек от евразийства, которое стремится к комплементарному цивилизационному взаимодействию, к объединению, позитивной интеграции, а не к противопоставлению сопредельных регионов Европы и Азии. Однако в личном восприятии областников сепаратизм никогда не имел однозначного

толкования. Существенно, что Г.Н. Потанин с самого начала формирования областничества видит и в действительности, и в теории две возможные политические тенденции – «как к объединению народностей, так и к сепаратизму». Именно так он обозначает их в письме А.Д. Шайтанову в апреле 1863 г. [10. С. 66]. На следствии в 1865 г. он также показывает: «Сепаратизм есть только направление местного патриотизма при известных условиях; другие условия могут привести его к идее совершенно противоположной – об единстве» [11. С. 91]. Вот эта возможная трансформация сибирского «сепаратизма» в идею о «единстве» с Россией (при «других условиях») представляется нам чрезвычайно важной. По существу, «сепаратизм» и «единство» здесь – взаимосвязанные противоположности, которые при определенных обстоятельствах могут переходить друг в друга. Полагаем, что понимание Г.Н. Потаниным уже в первой половине 1860-х гг. этих двух путей развития сибирского областничества (а значит, и самой Сибири) явилось необходимой предпосылкой к последующему преодолению крайностей сепаратизма, к движению в сторону положительной межрегиональной интеграции с Россией, в сторону практического сибирского евразийства.

В последующем, преодолев радикальные устремления 1860-х гг., Г.Н. Потанин занимает более умеренную и реалистичную позицию. В начале 1880-х гг. (когда отмечалось 300-летие присоединения Сибири к России) он воспринимает Россию не как противоположный Сибири регион, не как хищническую метрополию, и не о разъединении с ней думает. В известной статье «Завоевание и колонизация Сибири», показав примеры прежнего произвола российских чиновников, он сожалеет, что порядки в Сибири все еще «хуже тех, которые существуют в Европейской России». Главная задача, по мнению Г.Н. Потанина, – «приведение Сибири в одно целое с Европейскою Россиею установлением единства в системе управления обеими этими русскими территориями – это первое, что необходимо для того, чтобы сделать Сибирь не только окончательно русскою страной, но и органическою частью государственного нашего организма – в сознании как европейско-русского, так и сибирского населения». Затем, пишет Г.Н. Потанин, «необходимо окончательно закрепить связь Сибири с Европейскою Россиею железнодорожным путем, пролегающим через всю Сибирскую территорию. Тогда, само собою, совершенно естественно, установится должный прилив населения из Европейской России в Сибирь и обилие естественных богатств сибирских получит соответствующий сбыт на русском и западно-европейском рынках» [12. С. 48].

В середине 1880-х гг. Г.Н. Потанин совершенно определенно высказывается не о сепаратном обособлении, а о необходимости «закрепления связи» Сибири с Россией «в одно целое» и административно-политически, и экономически. Уже одно изменившееся мнение о необходимости железной дороги в Сибири как фактора «окончательного» закрепления связи с Россией подтверждает эволюцию его взглядов на регион. При этом он прагматически указывает, что Сибирь находится в ожидании «новой, более коренной реформы в управлении», необходимого распространения на нее

земских учреждений, введенных в России в 1860–1870-е гг., укрепления транспортных и рыночных связей с европейской частью России [12. С. 48].

Полагаем, что работа «Завоевание и колонизация Сибири», опубликованная в 1884 г., – это труд зрелого Г.Н. Потанина, который свидетельствует об осознанном стремлении к позитивной межрегиональной интеграции, как административной, так и социально-экономической. Разве не далека эта точка зрения от прежнего «красного сепаратизма» 1860-х гг.? И разве не является она применительно к отношениям азиатской Сибири и Европейской России по своему смыслу евразийской и потому противоположной петербургскому «имперскому регионализму»?

Конечно, Г.Н. Потанин никогда, ни в 1880–1890-е гг., ни в начале XX в. не оставлял идеи приоритетного регионального развития Сибири [13]. Однако думается, он все же в начале XX в. нашел приемлемое компромиссное решение, когда областничество, сибирский регионализм не отрицают общероссийскую интеграцию. Выскажем предположение, что Г.Н. Потанин в последней четверти XIX в. после возвращения из каторги и ссылки, вступив на широкую дорогу научно-экспедиционной работы, постепенно преодолевал то колониальное политико-психологическое ощущение, тот «колониальный синдром», который был одним из определяющих факторов на этапе становления областничества. И в этом отношении идейную эволюцию Г.Н. Потанина целесообразно сравнить с эволюцией Н.М. Ядринцева, которого, как известно, в 1870–1880-е гг. больше, чем Г.Н. Потанин интересовала метропольно-колониальная тематика и который в конечном счете занял радикально-западническую позицию.

Такое сравнение – отдельная исследовательская тема, однако полагаем возможным отметить, что для понимания эволюции взглядов Н.М. Ядринцева принципиальное значение имеет соотношение идей известной книги «Сибирь как колония», публицистики в «Восточном обозрении» и такой остро радикальной работы, как «Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад», изданной в 1891 г. в Женеве – «метрополии» и пристанище русских радикалов в Европе. Эта шокирующая по своему содержанию работа не часто используется при анализе взглядов Н.М. Ядринцева (и областничества в целом). Профессор М.В. Шиловский называет эту работу памфлетом, обоснованно полагая, что она близка по духу «Философическим письмам» П.Я. Чаадаева и представляет собой «апокалипсическое прорицание краха императорской России». Появление этой работы в 1891 г. трактуется как неожиданное («вдруг... издается памфлет») [1]. Однако предполагаем, что издание такой работы за границей не может быть случайным и спонтанным. Такого рода зарубежные издания, характерные для определенной части русской общественной мысли (и радикальной, и либеральной) XIX в., являются, как правило, выстраданными произведениями, в которых высказывается открыто то, что скрывалось (по разным причинам) автором в самой России. Поэтому и в этой работе Н.М. Ядринцева видится не случайный экспромт, рожденный от головокружения на европейском воздухе, а продуманный шаг, существенно дополняющий его прежние идеи. То, что автор не смог высказать в «Сибири как

колонии», прорвалось в женевской брошюре. Как ни неожиданно, но «Иллюзия величия» – это, по существу, общественно-политическое завещание Н.М. Ядринцева, его собственный итоговый «выстрел» в Россию.

В «Иллюзии величия» он смотрит на Россию глазами европейца, для которого страна «на Востоке европейского мира и на границе азиатского» превратилась во второй половине XIX в. в восточную деспотию в состоянии «застоя, разложения и... бессилия» [14. С. 209, 212]. Но если в России все плохо, то где хорошо? Где находится цивилизационный идеал Н.М. Ядринцева? Рассмотрение текста показывает, что он видит на первом месте «европейский идеал», «западные симпатии», он уверен, что западная культура является «делом общечеловеческим и мировым», а потому – «другой нет культуры и цивилизации» [14. С. 209, 210, 215]. Эти идеи не являются принципиально новыми для Н.М. Ядринцева, так как и ранее не раз, например в переписке с Г.Н. Потаниным, он указывает на «общечеловеческий интерес», «мировой прогресс», «идеалы общечеловеческого развития» и т.д. [15. С. 38, 180].

В 1893 г., перед отъездом в Америку, Н.М. Ядринцев пессимистически пишет А.Н. Пыпину, что «результатом» этой поездки «должно быть сравнение нашей сибирской пустыни-колонии с развивающейся и расцветшей американской колонией» [16]. И хотя Н.М. Ядринцев говорит, что областники уподобляли Сибирь Америке только в юности, но совершенно очевидно, что ориентир для него и в 1890-е гг. остался тот же самый – «богатая американская цивилизация». И только печаль от несоответствия ей «сибирской пустыни» пришла на смену юношескому оптимизму 1860-х гг.

Тотальный пессимизм Н.М. Ядринцева в начале 1890-х гг. не случаен, он вытекает из устойчивых, но неэффективных попыток приложить к России и Сибири западные, метропольно-колониальные модели и формулы. Концепция Сибири как колонии России (на аргументацию чего столько жизненных и интеллектуальных сил потратил Н.М. Ядринцев) могла найти себе историческое оправдание, в конечном счете, только в последовательной борьбе за освобождение и политическую независимость. В ином случае понимание Сибири как колонии по существу утрачивало позитивный смысл, превращалось в неадекватную реальности теорию. Признать все это на рубеже 1880–1890-х гг. было очень не просто, гораздо легче – представить ответчицей Россию. В результате прежняя, еще юношеская, идеализация Америки Н.М. Ядринцевым дополнилась, на фоне полного отрицания реальной России, апологией западной цивилизации в целом. Идеологический круг, таким образом, замкнулся. Но, не веря в Россию, в ее будущее, – нельзя поверить и в свою родную Сибирь.

Однако не все сибирские областники мыслили столь радикально и по-западному, как Н.М. Ядринцев. Могло ли, например, такое же тотальное отрицание России, сопряженное с представлением, что другой, кроме Запада, цивилизации не существует, выйти из под пера Г.Н. Потанина – человека, который, оставаясь сибирским патриотом, сделал свой выбор в пользу внимательного изучения Сибири и сопредельных регионов Евразии? Полагаем, что эволюция взглядов Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, несмотря на всю их

идейную близость, свидетельствует о том, что сибирская областническая мысль, как сложное интеллектуальное явление, могла двигаться как в сторону объективно евразийскую, так и по пути самого радикального западничества. По существу, Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев представляют собой две основные мыслительные ветви развития сибирского областничества. И то общее, что есть между ними, не должно скрывать имеющихся различий. Если Н.М. Ядринцев, как показывает работа 1891 г., не смог (или не захотел), к сожалению, позитивно разрешить проблему «колония и метрополия», «Сибирь и Россия», то Г.Н. Потанин, думается, был на этом трудном пути ближе к истине. Чтобы конструктивно осмыслить проблему «Сибирь – Россия», «колония – метрополия», «сепаратизм – централизм», необходимо было выйти за пределы бинарного восприятия, перейти на более общий, более высокий уровень концептуального обзора.

На наш взгляд, областничество не было статичным мировоззрением, а интеллектуально (и политически) развивалось вместе со своими «духовными основами», которые заключаются, полагаем, не только в своеобразном интуитивном «сибирефильстве» (по принципу «Сибирь не Россия»), но и в более широком стихийно-практическом евразийстве, которое со временем, когда областники сами переросли свои изначальные представления о мире, стало проявляться. Не только современным исследователям необходимо стремиться к тому, чтобы «отойти» от «банального дуализма “сепаратизм – централизм”» [8], этот важный мыслительный шаг необходимо было проделать и самим областникам.

Сибирская общественная мысль к концу XIX – началу XX в. постепенно перерастает прокрустово ложе бинарного (сепаратистско-централистского, колониально-метропольного) мышления. После смерти Н.М. Ядринцева Г.Н. Потанин прожил 26 лет и, как отмечает Г.Д. Гребенщиков, эти годы «были для Сибири непрерывным духовным ростом» [17]. Но в какую сторону шел «непрерывный духовный рост» Сибири в начале XX в.? Или, по-другому, какая концепция позволяла преодолеть узкие рамки одностороннего взгляда на Сибирь? Ответ известен – регионализм. Как указывает М.В. Шиловский, «областникам принадлежит приоритет в разработке теоретических основ отечественной регионалистики» [18]. В первую очередь этот вывод касается самого Г.Н. Потанина, который в начале XX в. внес существенный вклад в развитие областничества именно в направлении регионалистики, регионализма [19]. Конечно, это сибирская регионалистика еще без самого термина, но суть мыслительного процесса от этого не меняется. Как только Сибирь стали рассматривать в качестве крупной и важной области (региона-окраины) России, имеющей свою специфику (наряду с другими областями-регионами), так появилась возможность выйти за пределы бесперспективной дилеммы «колония – метрополия». В известном смысле потенциальная возможность именно такого, регионального осмысления сибирской проблемы существовала в областничестве с самого начала. Но эта возможность не могла быть реализована в 1860-е гг., так как тогда в умах областников господствовала колониальная теория.

Те, кто знал Г.Н. Потанина, отмечают немало его выдающихся качеств. Г.Д. Гребенщиков, в частности, наряду с «глубоким тактом», «высокой культурой духа», «истинным благородством», указывает и на присущую ему «дисциплину мысли» [20]. Думается, эта внутренняя дисциплина, характерная для идей Г.Н. Потанина, является одним из решающих обстоятельств в эволюции его общественно-политических воззрений, позволивших удерживать сибирефильское областничество, сибирский регионализм в начале XX в. на достойном и приемлемом уровне.

Не просто указать время рождения сибирского регионализма – не как стихийной тенденции, а как концептуального, общественно-политического явления. Видимо, этот мыслительный процесс происходил параллельно, вместе с региональным, административно-политическим и экономическим развитием России и приходится на рубеж XIX–XX вв. В 1907 г. Г.Н. Потанин в известной статье «Будущее сибирской областной тенденции» пишет: «Обширная империя не может не расчлняться на отдельные области, хотя бы связь между ними и продолжала оставаться, это расчленение должно устанавливаться не на этнографических, а на экономических особенностях». При этом «для контроля расходования местных финансов должен быть создан местный законодательный корпус, областная дума» [13].

Позитивным результатом сибирских дискуссий 1905–1908 гг. стало то, что старый и болезненный вопрос о сепаратизме трансформировался в легальный вопрос об автономии и местном самоуправлении Сибири как региона в составе России. И если суммировать областнический идеал начала XX в., то он может быть определен как концепция «территориальной самостоятельности Сибири во главе с областным (региональным) представительным органом – областной думой» [28]. Думается, что таким образом в сибирской областнической мысли произошел исторический концептуальный переход от гипотетического представления о Сибири как нереализованной суверенной стране, к представлению о ней как об одном из важнейших регионов России, обоснованно претендующем на регионально-автономный статус. Но это уже не специфически сибирская проблема, это актуальная проблема многих областей-регионов России.

Таким образом, регионализм, регионалистика стали реальным концептуальным выходом сибирской мысли за пределы прежней дилеммы «колония – метрополия», «сепаратизм – централизм». Однако какого «цвета» этот регионализм? Каковы его цивилизационные особенности? Абстрактная региональная идея вряд ли может быть достаточной для такой страны, как Россия, и для такого региона, как Сибирь. Необходимы не только административно-прагматические, юридические и финансовые, но и историко-культурные, цивилизационные основания для позитивного восприятия регионализма в России и Сибири. Ведь Сибирь не искусственный «штат» с прямоугольными границами, прочерченными на карте.

По нашему убеждению, такой цивилизационной идеей, которая может вдохнуть жизнь в российско-сибирскую региональность и успешно позиционировать ее как внутри самой России, так и международно-

геополитически, является евразийская идея, т.е. подход, направленный на осмысление и претворение позитивного взаимодействия стран, регионов и народов Евразии. Евразийство не отрицает регионализм, наоборот, оно придает ему исторический и перспективный смысл. Именно в контексте евразийства Сибирь и Россия органически сочетаются, и Великая Сибирь, наконец, становится равноценным и равнозначным компонентом в определении сущности и структуры России, важнейшей частью большого евразийского пространства.

В какой же степени можно говорить не только о регионализме сибирских областников, но и об их близости к евразийству? В каком смысле является Г.Н. Потанин предшественником евразийства XX в.? Обращает внимание, что для него, так же как и для евразийцев 1920–1930-х гг., характерно представление о важнейшей, нередко определяющей роли природно-климатических, географических факторов в развитии Сибири и Евразии. Г.Н. Потанин – не традиционный филолог-ориенталист, он этнограф-естественник, не отделяющий изучаемые народы от их среды обитания, и в этом качестве является самостоятельным и своеобразным предшественником Л.Н. Гумилева. Еще в далеком 1860 г. Г.Н. Потанин предполагает, что в перспективе Сибирь может стать центральным пространством России: «Если представить в будущем Сибирь так же населенную, как ныне Европейская Россия, то нельзя не подумать, что центр тяготения русского государства должен перейти на нее» [21. С. 196]. И мысль эта о перемещении «центра» России на сибирский Восток вполне евразийская, она несколько не потеряла своей актуальности и в XXI в.

Евразийский регионализм и, в частности, сибирское областничество, неммыслимо без регионоведения. И если во второй половине XIX в. функции главных регионоведческих организаций в Сибири выполняли отделы РГО, то в начале XX в., в 1908 г., создается Общество изучения Сибири, в научной деятельности которого Г.Н. Потанин принял живое участие. Весьма примечательна и идея создания в Томском университете кафедры сибиреведения, где бы читались курсы «истории Сибири, физич.[еской] и экономической географии, этнографии, археологии, языковедения» [22. С. 62]. Эти тенденции свидетельствуют об углублении научных компонентов сибирского, по сути евразийского, регионализма.

Отличие Г.Н. Потанина от многих ориенталистов XIX в. заключается в том, что он исследовал Азию и ее области не как чужой регион, а как свой, родной. И для этого изучения Азии «изнутри» у Г.Н. Потанина были все предпосылки, ведь он был степняком не только по рождению (уроженцем Прииртышья), а по сути и по характеру, по открытому степному менталитету. А потому его имя в равной степени принадлежит Сибири и Степному краю, России и Казахстану. Известно, что когда Г.Н. Потанин в ссылке в Вологодской губернии в 1872–1874 гг. публиковал свои статьи в «Камско-Волжской газете», то нередко подписывался псевдонимом «карым», т.е. сибиряк, в жилах которого течет и славянская, и сибирская кровь.

Как известно, в 1870–1890-х гг. Г.Н. Потанин совершает ряд крупных научных экспедиций по Евразии. Возвращаясь в 1880 г. из Монголии через Казахстан,

Г.Н. Потанин указал: «Появление мысли о национальном возрождении двух больших народов Средней Азии, монгольского и киргизского, весьма естественно в уме путешественника, в особенности русского» [23]. Последнюю экспедицию в Казахскую степь (Сары Арку) Г.Н. Потанин совершил уже в 1913 г. [24]. В казахском ауле для Г.Н. Потанина была установлена юрта, куда Алимхан Ермаков, студент Томского технологического института, приглашал знатоков народного эпоса. Из Токраунской волости прибыл Аяпберген Балабатыров. И вот однажды он спрашивает Г.Н. Потанина: «Скажите ага, почему Вы сюда приехали, зачем все записываете? Ведь Вам почти восемьдесят». В это время, – вспоминает А. Ермаков, – на кошму вполз жук. Посмотрел Г.Н. Потанин на этого жука и говорит: «Знаешь Аяпберген, Россия – большая страна, и много в ней народов. Но что знает большинство наших людей о народном творчестве казахов: устном и литературном, о вашей культуре. Ровным счетом ничего. Нужно, чтобы в России как можно больше знали о способном казахском народе, и тогда его не будут давить как этого жука» [24].

Г.Н. Потанин – сибирский патриот, но примечательно, что в 1917 г. он не только выступает за автономию Сибири, но и за «отдельную автономную область» казахского народа «со своей областной думой» на территории степных областей [25. Л. 6]. И эта новаторская мысль является существенным шагом вперед в дальнейшем развитии областнической идеи в евразийском направлении. Г.Н. Потанин пользуется особым авторитетом в казахском обществе. А.Н. Букейханов приводит такие его слова: «Если предоставить казахам автономию, построить университет в Караоткеле – центре Алаша и обучать там казахских юношей и девушек, тогда Европа узнала бы, кто такие казахи, народ создавший поэму «Козы Корпеш и Баян», давший жизнь Чокану [Валиханову], Абаю, Ахмету [Байтурсынову], Миржакупу [Дулатову]» – известным деятелям казахского народа [26. С. 419]. Замечательно то, что прогноз Г.Н. Потанина сбылся. Казахстан сегодня – суверенное государство. И если «Алаш» – это древнее название страны казахов, то Караоткель – известное место в центральной части Казахстана, историческая переправа через реку Ишим, своеобразный перекресток, где проходила караванная дорога с юга на север, из Средней Азии в Сибирь и с востока на запад, которой многие столетия пользовались казахи и их предки, жившие в евразийской Степи. Именно у Караоткеля находится средневековое тюркское городище Бузок и урочище Акмола, где в 1830 г. было заложено поселение, которое сегодня является столицей Казахстана – городом Астана. Наконец, именно здесь в 1996 г. в эпоху независимости и новой интеграции указом Президента Республики Казахстан как символ современного евразийства открыт и действует Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. Не об этом ли мечтал Г.Н. Потанин в переломном 1917 г.?

Существенно, что Г.Н. Потанин не только крупнейший исследователь народов Евразии, но автор оригинальных концепций культурных, цивилизационных взаимодействий Востока и Запада. Он сделал то, что удаётся далеко не каждому ученому, он поднялся от описательной этнографии и фольклористики на кон-

цептуальную высоту, где объектом становились уже не отдельные фрагменты истории, а евразийский культурно-исторический процесс в целом [28–30]. Масштаб сравнительно-исторических исследований эпоса народов Евразии, предпринятых Г.Н. Потаниным, столь велик, что до сих пор отсутствует полноценный и всеобъемлющий анализ этой стороны его творчества. Ученые только подступают к данной теме [31, 32], в полном же объеме она все еще ждет своего смелого и внимательного исследователя. Сложность ситуации в том, что эта сторона трудов Г.Н. Потанина воспринимается, в первую очередь, как область филологии, как предмет фольклористики. Однако этого явно недостаточно, необходимо широкое осмысление его «культурологических», «фольклористических» работ в контексте исторической науки.

Исходя из сложившейся историографической ситуации, мы постараемся только в самых общих чертах оценить этот важный пласт наследия Г.Н. Потанина. В чем же заключается его цивилизационная концепция? С первых строк «Восточных мотивов» выясняется, что он свидетельствует не просто о влиянии Востока на Запад (что обычно представляется уже из самого понятия «восточная гипотеза», применяемого по отношению к этой стороне наследия Г.Н. Потанина), но его «господствующая идея» – это «идея о единстве средневекового, западного и восточно-ордынского эпоса» [33. С. 119]. И пусть даже это гипотеза, но это именно евразийская гипотеза, так как основной ее смысл не в разъединении европейского Запада, Руси и азиатского Востока, а в их древнем культурно-историческом единении!

В отличие от В.В. Стасова и В.Ф. Миллера, которые считали, что время активного влияния Востока на русский эпос приходится на X–XIII в. [30], Г.Н. Потанин полагал, что «эпоху, когда происходил обмен этническими материалами, можно предположить очень ранней», когда «не было той разницы в культуре между центральной Европой и степями средней Азии, какая появляется позднее». Он обращает внимание на то, что «в историческое время переселения по северную сторону Каспийского моря совершались почти только с востока на запад», и «потому мы должны заведомо предполагать большие заносы с востока на запад и ничтожные с запада на восток» [28. С. 119–121].

В начале XX в. против гипотезы Г.Н. Потанина о взаимосвязи восточных, русских и европейских эпических сказаний приводились возражения, будто бы она не опирается на данные археологии. По этому поводу, в 1960 г. (когда отмечалось 125-летие Г.Н. Потанина) известный археолог древностей Евразии С.И. Руденко отмечает: с тех пор как вышли «Восточные мотивы» «прошло 60 лет, и теперь мы имеем многочисленные данные, свидетельствующие о тесных культурных связях между народами Центральной и Средней Азии и народами Восточной и Западной Европы, по крайней мере с середины 1-го тысячелетия до н. э., и о продвижении с востока на запад ряда элементов культуры». Следовательно, и в IV–V вв. н. э., и в предшествующую эпоху (в условиях единства скифо-сакской культуры), по мнению С.И. Руденко, «вполне вероятно, как предполагал Г.Н. Потанин, распространение легенд из Азии в Европу», т.к. «передвижение племен и культур с востока

на запад» с середины 1-го тысячелетия до н. э. засвидетельствовано «исторически и археологически» [34. С. 179–180]. Таким образом, историческая наука XX в. в целом подтвердила предположение Г.Н. Потанина об этнокультурных влияниях в Евразии с Востока на Запад. При этом, конечно, нет необходимости полагать, что Г.Н. Потанин разрешил все вопросы взаимоотношений народов древней Евразии. Но важно, что проблему он поставил и искал, опираясь на этнографические источники, свой ответ.

Если в 1890-е гг. он пишет о единстве истоков европейско-азиатского эпоса, то в 1900-е гг. его научная этнокультурная концепция оформляется более последовательно – с явным восточным акцентом. Если в 1899 г. Г.Н. Потанин не высказал свою восточную концепцию, «гипотезу» открыто, то время для этого пришло в 1912 г. [27. С. 1]. Так, сибирский мыслитель, областник, от идеи о значимости Сибири по отношению к России последовательно приходит к концепции, в которой формулируется и обосновывается культурно-историческая, цивилизационная значимость, первостепенность Востока по отношению к Европе. Без всякой теоретической натяжки эта концепция об исторической роли Востока в мировой цивилизации есть концепция не европейско-ориенталистская, а евразийская. Более того, как показывает последний большой труд Г.Н. Потанина «Ерке: Культ Сына Неба в Северной Азии. Материалы к турко-монгольской мифологии» (1916), степень «азиатскости» в его во взглядах существенно превосходит соответствующий компонент в воззрениях евразийцев 1920–1930-х гг. Г.Н. Потанин увлеченно довел до логического конца, до абсолютного предела свою концепцию об азиатскости европейской культуры. Однако крайности не плодотворны. Поэтому и без этой, предельно дискуссионной, на грани богорочества, гипотезы он является крупнейшим представителем сибирского восточничества, сибирского евразийства.

В конструктивной части восточных воззрений Г.Н. Потанина важнейшее место занимает открытие для русского общества тюрко-монгольского эпического наследия, открытие для России одновременно и мифологического, и реального ордынского Востока. Символично то, что Г.Н. Потанин имеет самое прямое отношение к крупнейшему востоковедному открытию конца XIX в. – открытию в 1889 г. древнетюркской рунической письменности. И хотя он не был, разумеется, классическим филологом-ориенталистом, но символично, что памятники древнетюркской письменности были открыты на основании его «целеуказаний» [35].

Если охватить деятельность Г.Н. Потанина как мыслителя и исследователя в целом, то, действительно, необходимо признать, что он как подлинный сибирский евразиец, как исследователь народов Евразии «пошел гораздо дальше» не только своих предшественников [36. С. 17], но и современников. А потому вряд ли может быть механически причислен к какому-либо одному традиционному научному направлению. Он сам есть, по существу, начало нового научного направления, которое может быть обозначено как «евразиеведение».

Сравнительный подход, компаративизм соединяется у него с мифологической теорией, с этнокультурным подходом, со своеобразным восточным историзмом и отсутствием всякого евроцентризма. Все это позволяет

понять, почему Г.Н. Потанин для большинства ориенталистов и филологов-фольклористов конца XIX – начала XX в., стоящих на европейско-позитивистских позициях, оказался «инородным явлением», что и породило критику его восточной концепции [37. С. 41]. При этом чаще всего «столичные» ученые просто замалчивали результаты его оригинальных исследований, не удостоивая их широкого обсуждения [32]. Объяснение этому, конечно, есть, и заключается оно в господствующем рассмотрении истории России в первую очередь в европейском контексте. Как справедливо указывает исследователь фольклора Р.С. Липец, «идея о восточных влияниях отпугивала уже своей новизной». Существенную роль здесь имело «предубеждение против самой идеи о возможности заимствований с Востока, тем более от... кочевников» [32].

Однако, несмотря на замалчивание и столичные предубеждения, Г.Н. Потанин сделал свое дело. Изучение его наследия показывает, что еще в конце XIX в., за два-три десятилетия до евразийцев 1920-х гг. и задолго до Л.Н. Гумилева, он призвал научный мир к внимательному исследованию народов Евразии, к исследованию – не с западно-европейских, а с евразийских позиций. М.В. Шиловский указывает, что сибирские областники во второй половине XIX в. разработали «некоторые аспекты концепции евразийцев» [38. С. 29] и наследие Г.Н. Потанина можно рассматривать в контексте таких понятий, как сибирский фронт и евразийство [39]. Или даже еще более определенно: «Основополагающие идеи концепции евразийцев начала 20-х годов разрабатывались задолго до выхода в свет в 1921 г. “Исхода к Востоку”» [1]. Н.В. Серебряников также считает возможным утверждать о «евразийских убеждениях» Г.Н. Потанина, этого «ученого-практика и одного из крупнейших специалистов по евроазиатским культурам» [40]. Исследование эволюции взглядов Г.Н. Потанина подтверждает в целом эти тезисы. И если бы Г.Н. Потанин успел прочесть евразийский «Исход к Востоку», то, думается, не удивился бы этой книге и новой русской мыслительной тенденции. Скорее, он подумал бы о том, что, наконец, русская мысль услышала и продолжила его призыв 1899 г., его коренную идею об исторической, а значит, и о перспективной роли народов Азии и Сибири [28. С. 856].

Таким образом, областнические общественно-политические взгляды Г.Н. Потанина в сфере сибирского регионализма органично дополняются и сочетаются с евразийскими, по сути, общественно-научными взглядами в области исследования регионов и народов Евразии. Однако евразийство Г.Н. Потанина своеобразно. Это не идеологически и политически ориентированное послереволюционное евразийство, это практическое, жизненное русско-сибирское, русско-казахское, русско-монгольское евразийство, зревшее еще в XIX в., и дорогой которого Г.Н. Потанин реально шел всю свою долгую жизнь.

С другой стороны, с юношеских лет он был убежденным противником колониально-имперских отношений и сторонником областничества, по-современному, – регионализма и федерализма. И в этом отношении идеи лидера сибирской общественной мысли «представляют не просто научный интерес, но и определенную практическую значимость» [41. С. 238–239].

Г.Н. Потанин первым (вместе с Н.М. Ядринцевым) сформулировал идею о Сибири как об особом регионе и тем самым проложил путь регионалистике, которая сегодня является теорией и практикой регионального управления. И эта – региональная – сторона потанинского мировоззрения, в которой он объективно противостоит российскому «имперскому регионализму», также глубоко органична для подлинного евразийства.

Развитие региональных исследований в XX в. не могло опираться только на усилия отдельных личностей (даже таких крупных, как Г.Н. Потанин). Необходимо было привлечь к этому широкие университетские научные силы. Выше уже говорилось об идее создания кафедры сибиреведения в Томском университете. Однако Г.Н. Потанину принадлежит и другая идея, еще более масштабная. Летом 1917 г. в Томском университете открывается историко-филологический факультет. Для мыслителя-сибиряка это событие, конечно, не прошло незамеченным. Но о чем он думает в ситуации, когда факультет только начинал свою работу – в то, пока еще обнадеживающее время?

Г.Н. Потанин как подлинный евразиец в ноябре 1917 г. мечтает не только об автономии, но о том, чтобы Сибирь стала центром востоковедных исследований. Сибирь есть страна исторически в значительной части тюрко-монгольская, поэтому не об изучении европейских, романо-германских языков и народов думает Г.Н. Потанин. Учитывая, что «страна между Алтаем и Байкалом» хранит «самую древнюю турецкую старину», он вполне закономерно предлагает «перенести центр турецких изысканий с запада на восток, т.е. в Сибирь». Для того чтобы это стало реальностью, по его мнению, в первую очередь «следовало бы на историко-филологическом факультете Томского университета открыть кафедры языков турецкого, монгольского, финского и санскритского» [26. С. 423]. Вот такой евразиеведческий проект, охватывающий исследование алтайских, уральских и индо-иранских языков, выдвинул в 1917 г. патриарх Сибири.

Итак, сделаем выводы. Сибирская (сибирефильская) общественная мысль, как подтверждает сопоставление идейного развития Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, могла развиваться как в сторону западнического, метропольно-колониального видения Сибири, так и в сторону сибирского регионализма, имеющего постколониальную, по существу, евразийскую природу. Оба эти подхода долгое время переплетались, были не дифференцированы между собой. Представление о Сибири как колонии России сосуществовало с представлением о Сибири как о российском регионе, что отражало специфику и противоречия реального положения. Однако концептуально такое смешение не могло долго сохраняться, так как сибирскому обществу требовалась определенная стратегия, которая могла быть либо колониальной (точнее антиколониальной), либо неколониальной (точнее региональной).

Западнический взгляд на Сибирь (преобладающий в идеях Н.М. Ядринцева) порождал представление о ней как о колонии России, которая, если следовать колониальной концепции до конца, – должна освободиться от России-метрополии и стать отдельным Сибирским государством. Регионально-евразийский подход (прису-

щий в конечном счете Г.Н. Потанину) обосновывал идею о Сибири как о важнейшем регионе взаимосвязанного российского и континентального пространства. Каждое из этих двух воззрений отражает определенную сторону сибирских реалий, каждое имеет определенный смысл. Однако именно евразийский взгляд на Сибирь позволяет не просто сформулировать некий усредненный компромиссный вариант, а дает возможность создать реалистичный проект, который сохранит сущность Сибири в общероссийском контексте, позволит сформулировать ее подлинные региональные, внутренние интересы, а также задачи как на европейском, так и на азиатском направлениях. В условиях, как принято говорить в начале XXI в., региональной интеграции и глобализации.

Несмотря на видимую периферийность, сибирская мысль не только не отставала от российских течений, но в чем-то находилась впереди. И если евразийские реалии во второй половине XIX в. настойчиво стучались в европейские окна и славянофильские двери русских мыслителей, не всегда находя адекватный отклик, то в Сибири, в силу ее особого, регионально-азиатского положения, предевразийские интуиции органично содержались уже в недрах областничества. У сибирского областничества, как и у многих других течений российской общественно-политической мысли XIX в., были западные (западнические) идейные истоки, но восточные, точнее евразийские истоки. Само внимание областников к русско-азиатской Сибири, к ее истории и различным народам, сама оппозиционность к центральной России – все это имело не только внешний сепаратистский, но и внутренний, сразу не проявленный, евразийский смысл. Конечно, такие внутренние интуиции сибирского областничества во второй половине XIX в. были только потенциальной силой, еще не реализованной интеллектуальной возможностью.

Отсюда было два исхода. Предевразийские идеи в Сибири могли заглухнуть, так сказать, на корню, никак осознанно не проявившись. Такое было возможно в случае успешного розыгрыша колониально-антиколониальной карты, победы радикального сепаратизма и отделения Сибири от России. В таком случае в сибирском общественном мнении евразийство еще долго можно было бы ассоциировать с московско-петербургским империализмом и колониализмом. В ином варианте, при эволюции Сибири в сторону регионализации, регионального развития и углубления позитивной интеграции с европейской Россией, потенциальная евразийская мыслительная тенденция оказалась бы востребованной и нашла бы свое место в пространстве сибирской общественной мысли.

В лице Г.Н. Потанина областничество на протяжении второй половины XIX – начала XX в. прошло путь от двусмысленного «сепаратизма» к конкретному «регионализму», порождая тем самым в процессе данной эволюции своеобразный сибирский (сибирефильский) вариант евразийства. И эта эволюция «сибирской идеи» подтверждает, что евразийство, как таковое, не отрицает регионализм, а придает ему цивилизационный смысл. Евразийский контекст – это то цивилизационное поле, где Великая Россия, Великая Сибирь и Великая Степь органически сочетаются, утверждаясь в

качестве важнейших компонентов большого Евразийского пространства.

С другой стороны (и это тоже один из уроков Г.Н. Потанина), практический сибирский регионализм, чтобы стать подлинно евразийским, должен опираться на серьезное научное основание, быть неразрывно соединенным с регионалистикой, с регионоведением. При этом Г.Н. Потанин не ограничил регионоведение рамками только Сибири. Он поднялся до понимания историко-культурной, цивилизационной значимости Востока по отношению к Западу, он в значительной степени открыл для российского общества тюрко-монгольское эпическое наследие, наследие степного, ордынского Востока. Поэтому в определенном смысле о нем также можно говорить как о представителе русского ретроспективного «азиатства». Наследие Г.Н. Потанина не вписывается в рамки традиционного европейского востоковедения или стандартных общественно-политических градаций, что позволяет сделать вывод о нем не только как об основоположнике сибирского регионализма, но и как о своеобразном исследователе-евразийце.

Г.Н. Потанин – мыслитель, у которого сибирский регионализм органично дополняется евразийскими, по сути, идеями. Но его евразийство – это не идеологическое, а историко-культурное, практическое, реальное

русско-сибирское, русско-азиатское евразийство. Учитывая вес Сибири в России и в Евразийском регионе, перспективы такого сибирского евразийства были в начале XX в. весьма значительны, но, как известно, в дальнейшем сибирская общественная мысль оказалась «замороженной» на семь десятилетий. Ни западническо-сепаратистский, ни евразийско-интеграционистский пути развития общественной мысли не могли в XX в. открыто проявиться. Само долгое молчание Сибири о Г.Н. Потанине, который мог быть признаваем в родном краю как «путешественник», но не как крупнейший сибирский мыслитель, свидетельствует об этом.

Только к концу 1990-х гг., когда сибирская общественная мысль вновь открывает, актуализирует для себя регионально-сибирскую проблематику, только тогда постепенно в ней начинает проступать «евразийская жила». При этом в начале XXI в. (так же как и в начале XX в.) преодоление стереотипов колониально-имперского мышления, укрепление представлений об органической межрегиональной связи Сибири и России, о внутренней взаимосвязи Сибири русско-славянской, тюрко-монгольской и угро-финской, о позитивных цивилизационных взаимодействиях в Евразии – является той мыслительной основой, на которой может возрасти реальное сибирское евразийство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шиловский М.В. Сибирские корни евразийства // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1: Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 102–111.
2. Шиловский М.В. Сибирские областники как предшественники евразийцев // Евразийство и Казахстан: Тр. Евразийск. науч. форума. Астана: Изд-во ЕНУ, 2003. Т. 1. С. 25–29.
3. Казаркин А.П. Идеи областничества и евразийства в литературе Сибири // Вестник Томского государственного университета. 1999. Т. 268. С. 11–12.
4. Мамсик Т.С. У истоков сибирского евразийства // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: Сб. матер. конф. / Под ред. чл.-кор. РАН В.А. Ламина. Новосибирск, РИЦ НГУ, 2003. Режим доступа: <http://hum.sbras.ru/kapital/project/modern/004.html>
5. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И. и др. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике: XVI–XX вв. М., 2004.
6. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005.
7. Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 142–156.
8. Анисимов К.В. Соотношение «политического» и «психологического» начал в сибирском областничестве XIX века // Ежегодник Красноярского государственного педагогического института. 2002. Т. 1.
9. Потанин Г.Н. Быть или не быть сибирскому областничеству? // Потанин Г.Н. Избранные произведения в трех томах. Павлодар, 2005. Т. 2.
10. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Т. 1.
11. Дополнительные сведения к донесениям... штаб-офицера корпуса жандармов... от 4 августа 1865 г. // Потанин Г.Н. Избранные произведения в трех томах. Павлодар, 2005. Т. 2.
12. Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. Отечество наше, в его земляном, историческом, племенном, экономическом и в бытовом значении: В 12 т. Т. 11: Западная Сибирь. СПб.; М., 1884.
13. Потанин Г.Н. Будущее сибирской областной тенденции // Сибирская жизнь. 1907. 6 июля.
14. Ядринцев Н.М. Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4.
15. Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. Красноярск, 1918. Вып. 1.
16. Письмо Н.М. Ядринцева А.Н. Пыпину 12 мая 1893 года. Режим доступа: <http://www.asu.ru/~sokol/altai/literature/jadrin/letter04.html>
17. Гребенщиков Г.Д. Сибирь и ее прошлое. Режим доступа: http://www.grebensch.narod.ru/my_siberia1.htm
18. Шиловский М.В. Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XX веков. Иркутск, 2003. Режим доступа: <http://oblastnichestvo.lib.tomsk.ru/page.php?id=2>
19. Pereira N.G.O. The Idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia // Russian History / Histoire Russe. 1993. 20/1–4. С. 163–178.
20. Гребенщиков Г.Д. На склоне дней его (Из воспоминаний о Гр. Ник. Потанине) // Сибирские огни. 2004. № 12. Режим доступа: <http://www.sibogni.ru/archive/42/492/>
21. Потанин Г.Н. Заметки о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9.
22. Шатилов М. На славном посту // Сибирский студент. 1915. № 1–2.
23. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. Вып. 1. С. III.
24. Кузгумбаева Ж.С., Селиверстов С.В. Г.Н. Потанин и «граждане Алаша» // Вестн. Евразийск. национал. ун-та им. Л.Н. Гумилева. 2005. № 3. С. 137–147.
25. Ермеков А.А. Мои встречи с Потаниным // Государственный архив Карагандинской области. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 222.
26. Потанин Г.Н. Киргизы после переворота // Потанин Г.Н. Избранные произведения: В 3 т. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005. Т. 2.
27. Букейханов А.Н. Григорий Николаевич Потанин // Байтурсынов А. Ер Сайын. М., 1923. С. 90.
28. Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.

29. *Потанин Г.Н.* Сага о Соломоне: Восточные материалы в вопросе о происхождении саги. Томск, 1912.
30. *Потанин Г.Н.* Ерке: Культ Сына Неба в Северной Азии. Материалы к турко-монгольской мифологии. Томск, 1916.
31. *Новикова Е.Г.* Г.Н. Потанин в Томске: филология, Сибирь, Восток и христианство // Вестник Томского государственного университета. 1998. Т. 266.
32. *Бралина С.Ж.* «Восточная теория» как феномен евразийства // Евразийство и Казахстан: Тр. Евразийс. науч. форума. Астана: Изд-во ЕНУ, 2003. Т. 1. С. 30–34.
33. *Потанин Г.Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе // Потанин Г.Н. Избранные произведения: В 3 т. Павлодар, 2005. Т. 3. С. 119.
34. *Руденко С.И.* Григорий Николаевич Потанин как этнограф // Известия Всесоюзного географического общества. 1963. Т. 95. Вып. 5. С. 179–180.
35. *Шиловский М.В.* Кем был открыт Каракорум? // Наука в Сибири. 1994. № 5.
36. *Азадовский М.* Пути этнографического изучения Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск, 1926.
37. *Смирнова Н.С.* Потанин – собиратель и исследователь казахской народной поэзии // Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина. Алма-Ата: Наука, 1972.
38. *Шиловский М.В.* Сибирские областники как предшественники евразийцев // Евразийство и Казахстан. Труды Евразийского научного форума. Астана: Изд-во ЕНУ, 2003. Т. 1.
39. *Шиловский М.В.* Ч.Ч. Валиханов и Г.Н. Потанин: трансформация личности в парадигмах фронта // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 7–15.
40. *Серебрянников Н.В.* Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. Великий Новгород, 2000. С. 17. Режим доступа: http://www.edu.novgorod.ru/data/educat/lib/3/7/00037/nvs261002_01.rtf?nowrap=1
41. *Шиловский М.В.* «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: Биографический очерк. Новосибирск: Сова, 2004.

Статья поступила в редакцию журнала 11 декабря 2006 г., принята к печати 18 декабря 2006 г.